

“Энтузиасты. Подвижники. Хранители традиций”

Алексей Николаевич Грязнов родился 30 марта 1903 года в семье рабочего-волочицника. Трудное, переломное время в истории нашей страны обусловило и испытания, выпавшие на его долю, и особенности его характера, удивительного, сильного, целеустремленного, но в то же время овеянного высоким романтическим духом.

Алексей Грязнов был дисциплинированным, творческим, очень способным учеником. Однако учиться долго ему не пришлось – семья нуждалась. Работать начинал чернорабочим, но труда не боялся. Даже более того – он любил труд, работал с вдохновением, мощно, красиво, с легкостью увлекал за собой других. В 1923 году вступил в партию, и всю жизнь неколебимо верил и в партию, и в будущее своей Родины, и в людей, и в высокое предназначение человека. В 1925 году отправился служить, прошел закалку на Балтийском флоте. На всю жизнь сохранил в себе моряцкую хватку, походкой выдавал свою причастность к морскому делу.

Еще на первых ступенях карьерной лестницы, в должности подручного-сталевара Грязнов показал себя активистом. Работая на только-только вступившем в мартиновском цехе, он умудрялся урывать время для активнейшего сотрудничества в газетах, почти каждый день заглядывал в редакцию газеты «Магнитогорский рабочий» с острыми, злободневными материалами. Его так и называли - «возмутитель спокойствия».

Личность Алексея Грязнова привлекает внимание еще и тем, что его приезд в Магнитогорск был необычным. Пройдя морскую закалку на Балтийском флоте, он работал секретарем парткома Белорецкого завода, был на хорошем счету. Алексею Николаевичу предрекали блестящую партийную карьеру. Он, безусловно, ломал всякую обывательскую логику своим бесповоротным решением отказаться от благоустроенной квартиры, приличной зарплаты, от всех благ партийного начальства и ехать в Магнитку варить сталь.

В 1934, в своей недолгой жизни тридцать первый год, он появился в легендарном городе, даже городочке еще, застроенном бараками, от роду существующем на белом свете всего 5 лет, чтобы начать все сначала. Ему предлагали уже проторенный прежними заслугами путь – партийная работа в теплых кабинетах. Категорически отказался. Он шел по жизни другим путем, неистово и жарко отдавая всего себя новому и желанному делу. Начал третьим подручным, обрадовался, как мальчишка, получив войлочную шляпу, синие очки и возможность слушать музыку раскаленного металла. Конечно же, он мечтал стать сталеваром, хозяином печи. И стал. В непостижимо короткие для многих других сроки.

Грязнову не впервые было брать крутые барьеры, преодолевать неприязнь, а порой и козни врагов. Труднее другое - смотреть в исхудалое личико дочери Галочки и полные негою глаза жены.

Работал он неистово, сразу обрастая друзьями и товарищами. Главной его целью было овладеть сталеплавильным делом. Грязнов записался во все библиотеки Магнитогорска, чтобы получать информацию о технических

новинках, и за короткое время укомплектовал собственную библиотечку металлурга. Поступил на курсы сталеваров, настойчиво изучал опыт лучших, готовился к самостоятельной работе. Не пропустил ни одного ремонта печи, добровольно вызывался то в качестве каменщика, то слесаря. В результате изучил мартеновскую печь так, что стал чувствовать ее как собственное сердце.

13 июля 1936 года он стал сталеваром. За два года прошел путь длиной в 20-30 лет. Его знал лично нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе. Лично неоднократно поддерживал его начинания. Его идеи воплощались в жизнь, гремела по стране слава о знатном магнитогорском стахановце, его опыт изучали начинающие сталевары. Это он выводил запущенные печи в передовые, первым варил тяжеловесные плавки в 200-300 тонн, одним из первых освоил мартеновскую печь, оснащенную сложнейшей по тем временам автоматикой.

Дух новаторства, стремление перенести в свой цех лучшие достижения передовых заводов страны были нормой его поведения. Все передовые починки мартеновцев Магнитки предвоенных лет связаны с его именем.

Блестящие свои инициативы А. Грязнов горячо и убедительно втолковывал товарищам. Одна из них называлась "смена-плавка". Обычно процесс плавки вели две бригады: одна начинала, другая заканчивала. Суть нового метода была в том, что плавку от завалки шахты до выпуска ведет одна бригада. Действительно, новый метод позволил увеличить скорость плавки, качество работы.

Став первым первым подручным на 11 печи у Григория Боброва, Грязнов начал всех будоражить: «Давай, Гриша, одиннадцатую ударной сделаем. Надо скоростные плавки варить. У тебя опыт большой, а я помогу график составить, на какой операции сколько времени выиграть, и со сменщиками договоримся». Старания Алексея не прошли бесследно. Все подтянулись, стали выдавать скоростные плавки. В соревновании с Бобровым Грязнов завоевал перевес. Жизнь тем временем подсказывала Грязнову новое. Газеты сообщали, что в Мариуполе сталевар Макар Мазай снимает по 9-13 тонн стали с квадратного метра пода печи, и готов помериться силами с лучшими сталеварами страны. Летом 1939 Мазай приехал в Магнитку обменяться опытом работы. Вместе с Грязновым они сварили скоростную плавку дружбы.

Была у Грязнова сокровенная идея. Вынашивал он ее годами, знания, опыт, душу в нее вложил. В январе 1940 в газете опубликована большая статья Грязнова «Сталевар должен быть мастером, а мастер-сталеваром». Алексей Николаевич убеждал, что необходимо совместить обязанности сталевара и мастера. При этом сталевар и варил сталь и сам решал, созрела ли она. Метод Грязнова "сталевар-мастер" оказался вполне осуществимым и явился ускорителем технического прогресса. Сам директор комбината Григорий Иванович Носов дал добро на эксперимент, Грязнов первым и варил сталь по своему методу, и блестяще справился с делом. А дело пошло. Со всех концов страны уже двинулись сталевары в Магнитку учиться новому методу. Двенадцать сталеваров-мастеров появились и в родном цехе стахановца. Таково было свойство этого человека: заряжать энергией и энтузиазмом других,

искренне и без оглядки радоваться успехам товарищей, тяжело переживать собственные неудачи, обрушивая на самого себя ворох упреков.

В 1941 году грянула война. Грязнов в числе первых выплавил броневой металл для танков, и ушел на фронт. Ушел воевать, потому что свято верил: не должен враг топтать его землю, не должен топтать веру народа в великое предназначение своей Родины. Убедил комиссию словами короткими и ясными:

- Сталь варить еще успею. Война – это временно. Труд – вечен.

Воевал Грязнов так же, как и работал на заводе, - бесстрашно, умело, с полной отдачей сил, с упорством, увлекая других своим примером. Об этом свидетельствуют рассказы его однополчан, официальные сообщения печати и хроника армейской жизни. Об этом ярко повествуют и его многочисленные фронтовые письма, по силе эмоционального воздействия и достоверности не уступающие многим впечатляющим документам Великой Отечественной войны.

Каким чудом находил он время вести широкую переписку с друзьями, родными, организациями?

В письме своей жене, Клавдии Ефимовне, Грязнов пишет: «Вот я и дождался чести быть в боях. Я рад, что не впустую живу в такой опасный для страны период, что придется отчаянно драться. Ты знаешь, Клавдия, я никогда не держался тихой заводя, всегда находился в стремнине. Так было в нелегкие годы восстановления Белорецкого завода, когда меня избрали секретарем парткома, так было в Магнитке у мартеновской печи. Так было в Морском флоте. Выходит, к таким боям я готовился всю жизнь...»

Блокада Ленинграда. Кровавопролитные бои. Грязнов тяжело ранен. В письме в редакцию газеты «Магнитогорский Рабочий» Грязнов пишет: «Ранен я в грудь... Пуля повредила нерв. Лечат. Как бы не стала сохнуть рука, тогда как я буду работать сталеваром?»

Лечение продвигалось медленно. Одолевали тяжелые мысли: удастся ли вернуться в строй? Наконец, долгожданное: «Здоров!». Хотели списать в запас, но Грязнов поднял шум, сказав, что пока война – будет воевать. Жене сообщил: «Вчера был на комиссии, и мне написали – пройти кратковременные фронтовые курсы на командира батальона. Неужели батальоном не смогу командовать? Смогу. Уверен. Батальон будет характером в меня – стойкий. Драчливый. Яростный. На комиссии услышал, что меня знают как сталевара. И это было мне очень приятно».

Курсы шли к концу. Предчувствуя впереди тяжелые бои и невозможность продолжать переписку, Грязнов пишет в редакцию «Магнитогорского рабочего» пространное, волнующее письмо, в котором рассказывает о том, как скучает по мартену, его пламени, цеховому гулу, огнеупорной пыли и металлу. Советует: «Вы жмите на фронте тыла, а я вот готовлю себя к на решительную схватку с оружием в руках. Подкрепляюсь теоретически, чтобы еще раз вести людей в бой, но более грамотно, умело, с тактической идеей боя... Учебу с жадностью впитываю в себя, как насос... Бить фашиста. Вот моя задача сегодня. Кровь кипит. Душа горит. Сердце рвется в бой».

Комиссар батальона Грязнов был для солдат и офицеров образцом мужества, собранности, жизнелюбия и железной дисциплины. Он любил повторять, что дисциплина – оружие сильных. Учил товарищей мудро пользоваться этим оружием и побеждать, даже если ситуация кажется совсем безвыходной.

Грязнов снова был ранен, и снова – в грудь. Ранение глубокое, осколочное. Было опасно вытаскивать этот осколок, и, выписавшись из госпиталя, Алексей Николаевич отправился с ним в самое пекло жестоких наступательных боев.

Войска Ленинградского фронта теснили врага к Балтийскому морю. Целый месяц батальон Алексея Грязнова бился с противником на самых горячих участках. Стоял насмерть. Задание командования было выполнено, но уцелело лишь несколько солдат. В этих боях смертью храбрых пал и Алексей Грязнов – любящий муж и отец, человек с горячим сердцем, глубоко преданный Родине.